

Сазонов Георгий Петрович

Ростовщичество - кулачество

Наблюдения и исследования

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г36

Г36 **Георгий Петрович С.**
Ростовщичество - кулачество: Наблюдения и исследования / Сазонов Георгий Петрович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 227 с.

ISBN 978-5-519-84415-4

ISBN 978-5-519-84415-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій трудъ представляетъ собою результатъ изслѣдованій и наблюденій, производившихся мною на широкомъ пространствѣ бассейновъ Волги, Оки и Вятки въ 1880—1882 гг., Опочецкаго уѣзда Псковской губерніи въ 1886 г. и Порховскаго уѣзда въ 1889 г. Статьи «Кулакъ въ артели» и «Рабство свободнаго труда» своевременно помѣщены были въ разныхъ журналахъ. Здѣсь онѣ являются въ значительно переработанномъ и дополненномъ видѣ. «Пореформенное крѣпостничество» написано вновь, за исключеніемъ нѣсколькихъ страницъ, взятыхъ изъ моего изслѣдованія «Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ уѣздѣ». Не могу не пожалѣть, что за неимѣніемъ времени не успѣлъ разработать имѣющіеся у меня подобные же матеріалы о ростовщичествѣ.

Я всегда держался правила—излагать факты безусловно точно обозначая не только мѣстности, но имена и званія дѣйствующихъ лицъ. При этомъ мною отнюдь не руководило желаніе сдѣлать имъ пріятное или непріятное. Я имъ не судья. Излагать факты во всей ихъ точности и наготѣ считаю нравственною обязанностью. Что толку въ печатномъ сообщеніи, что напр. въ Н-скомъ уѣздѣ ростовщикъ Х разоряетъ крестьянъ? Оно не подлежитъ провѣркѣ. Фактъ ли излагается, или «не любо не слушай?» Почему не сообщать вполне точно? Вѣдь ростовщичество—общественная дѣятельность. Съ другой стороны, если названы своими именами мѣстность и дѣйствующія лица и

авторъ подписался, — подобное сообщеніе получаетъ значеніе бесспорнаго факта, ибо очевидно авторъ имѣетъ формальные документы или инныя данныя. Тутъ нѣтъ мѣста сомнѣнію. А между тѣмъ ростовщическая хроника пополняется такими данными, которыя кажутся невѣроятными. И мнѣ самому, даже въ ученыхъ обществахъ, приходилось слышать сомнѣніе въ возможности фактовъ, точно изложенныхъ. Если же при этомъ не были бы названы имена, можно быть увѣреннымъ, многіе не повѣрили бы мнѣ. Конечно, авторъ рискуетъ попасть подъ судъ. Но было бы недостойно представителя печати бояться этого. Печатное слово — великое дѣло, и пользующійся имъ долженъ нести и отвѣтственность. Нѣкоторые изъ описанныхъ героевъ грозили мнѣ судомъ, но только угрозами и ограничились. Затѣмъ одинъ Опочецкій купецъ отрицалъ вѣрность сообщеннаго о немъ факта, а бывший Порховскій предводитель г. Аничковъ выступилъ въ газетѣ «Гражданинъ» съ большою обличительною противъ меня статью. Казалось бы, онъ имѣлъ полную возможность показать мои ошибки и заблужденія, однако счелъ за лучшее ограничиться неблагоприятными намеками и набрасываніемъ подозрѣній. Но если по суду и въ печати злоба ростовщиковъ оказалась безсильною, то иными способами они пытались отомстить, и только случайность оградила меня отъ горькихъ испытаній....

Въ виду недавняго закона о ростовщичествѣ, нѣкоторые могутъ подумать, что вопросъ этотъ имѣетъ уже только историческое значеніе, что зло поражено. Но кто дастъ себѣ трудъ посмотрѣть хотя нѣкоторыя части этой книги (напр. 137—165, 174—181, 191—203 стр.), тотъ согласится, что такое страшное зло не можетъ быть уничтожено столь платоническими мѣрами, какъ законъ о ростовщичествѣ. Нельзя не пожалѣть въ заключеніе, что вопросъ этотъ почти совершенно не изученъ.

Георгій Сазоновъ.

КУЛАКЪ ВЪ АРТЕЛИ.

Пусть это сатана, пусть это люди,—
Какъ хочешь назови ту злую силу,
Которая остервенясь несется
Сюда, въ мой рай...

Гейне.

Личность Разуваевыхъ, Колупаевыхъ и К° нѣсколько знакома намъ. Эта грядущая сила въ близкомъ будущемъ, быть можетъ, станетъ подавляющею, и потому она естественно вправѣ претендовать на большее вниманіе, требовать серьезнаго отношенія къ себѣ. Между тѣмъ фактическихъ научныхъ свѣдѣній о значеніи и важности «ихъ степенствъ» несомнѣнно мало; имѣющіяся данныя болѣе публицистически-беллетристическаго характера. Я постараюсь немного пополнить этотъ пробѣлъ, представивъ кулака въ артели. Трудно это, иногда совершенно невозможно. Дѣло въ томъ, что кулакъ, нерѣдко умный человѣкъ, сознаетъ иногда безнравственность, а быть можетъ и преступность своихъ поступковъ и, подчинивъ себѣ артель, господствуя надъ нею, какъ то съ крайнимъ подозрѣніемъ, почти съ боязнью относится къ постороннему человѣку, выказывающему желаніе разузнать кое-что, и, разумѣется, наивно было бы вѣрить его словамъ, основательно не провѣривъ ихъ другими данными. «Нужно быть терпѣливымъ человѣкомъ и порядочнымъ жохомъ, пишетъ мнѣ товарищъ-ислѣдователь, чтобы обойти мужика-кулака, въ рукахъ котораго заключается многое и многое. Вы встрѣтите обманъ, наглую ложь, полнѣйшее недовѣріе къ вамъ и укрывательство истины исслѣдуе-

мага дѣла, особенно тамъ, гдѣ чувствуется нечистое дѣло». Слова эти — сама истина. Дѣйствительно, нужно быть порядочнымъ жокомъ, чтобы обойти кулака, въ рукахъ котораго заключается многое и многое. Особенно трудно, невозможно добиться истины тамъ, гдѣ нѣсколько однородныхъ артелей на одной работѣ эксплуатируются однимъ кулакомъ: дѣло очень запутывается, проверить его невозможно, сами артели сбиваются съ толку и считать приходится гадательно. Другое дѣло, когда кулакъ царитъ въ одной артели или, если и въ нѣсколькихъ, но на разныхъ работахъ или только въ разныхъ мѣстахъ. Здѣсь сами артельщики пунктуально, фактически, точно произведутъ вамъ всѣ выкладки, сведутъ итоги охотно, съ злорадствомъ. Разумѣется, нельзя принимать безъ проверки и эти данные.

Я изложу здѣсь нѣкоторые типы эксплуатаціи артелей, замѣтивъ предварительно, что она очень разнообразна, видоизмѣнчива, приспособляется къ условіямъ, трудно поддается постороннему наблюдателю, требуетъ съ его стороны вниманія, длительного наблюденія и не можетъ быть уложена вся цѣликомъ въ опредѣленные рамки. Чѣмъ крупнѣе промышленный или торговый центръ, тѣмъ рельефнѣе она выдается, тѣмъ сильнѣе бьетъ въ глаза, тѣмъ болѣе старанія, ума, Одиссеевой хитрости вложено въ отдѣлку ея, тѣмъ она пышнѣе, совершеннѣе, доходя до перла созданія, до высокохудожественнаго произведенія... Такіе эксплуататорскіе центры мы болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, пришлось наблюдать въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Рыбинскѣ. Безъ сомнѣнія, то же встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ съ тѣми или иными отклоненіями. Схватить все разнообразіе эксплуатаціи нѣтъ никакой возможности.

I.

Крючники.

Шумить, шипить, хрипнуть, тяжело, ускоренно дышать,—звать тяжело бѣднягѣ,—но смѣло разсѣкаетъ волны пароходъ «Отважный», оставляя за собою клубы игриво вьющагося дыма, да сердито вздымающіяся волны, которыя поплы по всей рѣкѣ, колыхая и подбрасывая лодки и всякія суда и посудины. «Вотъ и Нижній», толкуютъ въ кучкахъ стоящіе пассажиры, снимая шапки и набожно крестясь на выдвигающіеся изъ массы построекъ храмы. Группы цивилизованныхъ—купцовъ, мѣщанъ—влѣзаютъ на верхнюю палубу, откуда виднѣе.

А посмотрѣть дѣйствительно есть на что: просторно, красиво, величественно на высокой горѣ раскинулся по-русски Нижній-Новгородъ. При яркомъ солнечномъ освѣщеніи, на берегу массы водъ такихъ рѣкъ какъ Волга и Ока, словно заросшихъ лѣсомъ отъ множества мачтъ на баржахъ, баркахъ и другихъ судахъ, со множествомъ спующихъ взадъ и впередъ пароходовъ самыхъ различныхъ конструкцій и размѣровъ, отъ небольшихъ грузовыхъ до громадныхъ трехъ-этажныхъ американской системы, постоянные свистки коихъ придаютъ имъ какой-то воинственный характеръ,—Нижній прекрасенъ.

Среди группы нерѣдко раздаются возгласы удивленія, слышатся вопросы, а на нихъ и словоохотливые отвѣты.

— Вишь вонъ на горѣ, въ самой срединѣ города, стѣны, храмы: то—Кремль, крѣпость такая старинная, поучаетъ бородатая бывалая чуйка въ одной группѣ. А вонъ видѣется памятникъ Минину, вонъ соборъ, водить онъ пальцемъ.

— А что за постройки вотъ направо? спрашиваю я.

— Нешто не знаешь? почти сердито крикнула чуйка и, бѣгло осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, спокойнѣе добавила: — видно въ первой?.. Это, видишь, ярманка здѣсь бываетъ, вотъ черезъ мѣсяцъ откроется; на всемъ свѣтѣ такой нѣтъ. На островѣ (полуостровѣ) она; съ этого бока у ней Волга, а съ того—Ока.

— Вотъ это самая Сибирская пристань-съ, продолжаетъ мягкимъ теноркомъ типичный прикащикъ. Посмотрите, что будетъ здѣсь черезъ мѣсяцъ—страсть!

Рѣзкій, оглушительный свистокъ парохода заглушаетъ его.

— Вотъ и пріѣхали, слава Богу, толкуютъ въ другой кучкѣ.

— Миколка, гляди, вонъ наша пристань,—нашъ пароходъ здѣсь станетъ, а вонъ, направо, Меркурьевская пристань, вонъ Дружина, Любимовская, а тамъ пошли пристани и не перечтешь.

Забѣгали лодманы, раздалась команда капитана, засуетились пассажиры, заходили по спинамъ ихъ котомки, пароходъ застоналъ тяжело, порывисто, какъ будто закачался и наконецъ совсѣмъ сталъ у пристани, причаленъ, положены мостки. Пассажиры хлынули густою толпой, толкаясь, давя другъ друга, крича и перебраниваясь.

Движеніе на набережной, на берегу и на водѣ необычайное, поражающее съ перваго взгляда. И люди, и пароходы, и лошади куда-то слѣшать, торопятся, всѣ имѣютъ занятиемъ, озабоченный видъ. Продавцы разныхъ продуктовъ надоедаютъ, нищіе и монашенки буквально атакуютъ, съ ожесточеніемъ набрасываясь на каждого встрѣчнаго, особенно слѣдя за пріѣзжими. То и дѣло слышатся свистки, начиная отъ тонкаго сопрано и доходя до могучаго баритона меркурьевскихъ пароходовъ, безпрестанно снующихъ какъ-то важно, съ достоинствомъ. Массы народа словно морскія волны то приливаютъ, то отливаютъ, смотря по тому, приходитъ ли пароходъ, или отходить. Вотъ отходятъ три парохода до Астрахани—Меркурьевскій, Самолетскій и Волжскій (Пароходное Общество по Волгѣ); два другихъ идутъ до устья Камы, а тамъ до Перми—Любимовскій и Курбатовскій съ арестантскою баржей; тоже внизъ идетъ, сворачивая на Вятку, Булычевскій; Дружинскій и Самолетскій пароходы направляются вверхъ до Рыбинска и Твери, а одинъ вверхъ по Окѣ; нѣкоторые же пароходы идутъ только до извѣстныхъ мѣстъ: Кашинскій и Дубровинскій до Казани (во время ярмарки), одинъ до Бармина, «Авраамъ» вверхъ до Пучежа и т. д. Въ свою очередь, на смѣну имъ, и

почти столько же, приходятъ снизу и сверху въ Нижній. Удивительное, поражающее новичка движеніе. Пароходы разныхъ обществъ и хозяевъ отличаются не только конструеціей, но и многими другими особенностями, напримѣръ, цвѣтомъ окраски корпуса и трубъ. Такъ, трубы Самолетскихъ и Булычевскихъ черныя съ красной широкою полосой, Курбатовскихъ — бѣлыя съ черною полосой, Американскихъ — бѣлыя, Дружинскихъ — черныя и т. д. Также и знаки: на Меркурьевскихъ — двуглавые орлы, на Волжскихъ — звѣзды, на Самолетскихъ рожки и т. д. Разнятся и свистки, флаги, одежда лоцмановъ и пр. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе величественностью, подавляющею громадностью, великаны-пароходы американской системы — трехъ-этажные Меркурьевскіе, Волжскіе, два Любимовскихъ и американскіе — «Колорадо», «Миссисипи», «Миссури», «Ніагара» и «Бенардаки».

Отъ пристани до берега сдѣланы мостки и отъ нихъ вверхъ на набережную ведетъ широкая лѣстница. На этихъ мосткахъ и лѣстницахъ при входѣ и отходѣ пароходовъ невообразимая толкотня, давка, шумъ, гамъ и брань.

Но смотрите, среди толпы возвышаются какіе-то самодвижущіеся огромные тюки; медленно, но безъ отдыха поднимаются они одинъ за другимъ по лѣстницѣ и сбрасываются на приготовленные на набережной возы; изъ-подъ нихъ вылѣзаютъ дюжіе, утомленные люди: это — крючники. Такъ ихъ называютъ потому, что у каждаго имѣется желѣзный крюкъ съ ремненнымъ концомъ, которымъ крючникъ черезъ плечо задѣваетъ грузъ и поддерживаетъ на спинѣ. Они выносятъ товаръ съ пароходовъ.

Много разъ и подолгу приходилось смотрѣть на крючниковъ. Обязанность ихъ — нагружать и разгружать пароходы. Работаютъ они артелями. Двое изъ нихъ стоятъ на пароходѣ при товарѣ и, поднимая тюки, кладутъ ихъ на спины по очереди подходящихъ товарищей. Если же товаръ берутъ изъ мурьи (нижняя, подпалубная часть парохода), тогда четверо подають тюки изъ мурьи, двое принимаютъ на палубѣ и кладутъ на спины товарищей. Очередь строго соблюдается и нарушение ея не допускается, такъ какъ это могло бы повести

къ пререканіямъ, ссорамъ,—большой тюкъ никто не захотѣлъ бы нести. Стройно, въ необыкновенномъ порядкѣ, почти при военной дисциплинѣ, идетъ работа. Только на ходу при встрѣчахъ успѣваютъ обмолвиться словечкомъ, или пустить веселую шутку на неловкость товарища. За то, когда, рѣшивъ сдѣлать маленькую передышку минутъ на пять, соберутся вмѣстѣ, шуткамъ, смѣху, подтруниваніямъ нѣтъ конца. Какая-то бодрая, веселящая атмосфера окружаетъ ихъ. Добродушіе, товарищество, задушевность царятъ здѣсь. Рѣдко услышишь брань, да и ее скоро уймутъ товарищи; никогда не увидишь пьянаго. А ужъ руки поднять на товарища не могли, — десятка два дюжихъ рукъ опустятся на смутителя и такой наложатъ штрафъ, что другу-недругу закажетъ.

Артели эти бываютъ человекъ въ 50—60. Онѣ успѣваютъ работать на двухъ-трехъ пароходствахъ. Настоящіе артели крючниковъ выдаются среди всей миллионной массы волжскаго рабочаго люда не только ростомъ, дюжестью, нерѣдко могучестью, но и смѣлостью, рѣшительностію, а также и общественными качествами: они не только работаютъ артелью, но артельность входитъ въ ихъ плоть и кровь. Приторгуетъ что-нибудь одинъ, не отстанутъ и присутствующіе товарищи и покупаютъ уже «артелью», съ уступкою. Крючника даже рѣдко можно встрѣтить одного, а непременно съ нѣсколькими товарищами. И никому въ обиду не дадутся, напротивъ, словно Кить Китычи, сами всякаго обидятъ. За то, за примѣрную любовь къ артельности, за большую физическую силу; «за дюжесть», храбрость они пользуются почетомъ и уваженіемъ среди всей рабочей волжской массы. Это — передовые застрѣльщики, иногда задающіе тонъ рабочему люду. Попасть въ крючники—едва ли не завѣтная мечта многихъ и многихъ и притомъ въ большинствѣ несбыточная.

У крючниковъ полнѣйшая равноправность въ работѣ и во всѣхъ доходахъ и расходахъ по квартирѣ, пищѣ и проч.

Самые знаменитые по Волгѣ крючники — промзинцы, изъ села Промзино на Сурѣ. Отсюда выходятъ артели ихъ испоконъ-вѣку; онѣ имѣютъ свои преданія, исторію, народъ необыкновенно типичный даже среди крючниковъ. Особенно

замѣчательна въ этомъ отношеніи одна артель, которую я наблюдалъ въ Казани. Нѣкоторые изъ членовъ ея достойны кисти великихъ художниковъ. Представьте себѣ: громадный ростъ, атлетическое тѣлосложеніе, чрезвычайно развитыя мышцы, величественная осанка, всклокоченно-кудрявые черные или темнорусые волосы, небольшая, но роскошная борода, красивое, загорѣлое лицо, большой лобъ и носъ, быстрый орлиный взглядъ. Что-то наложило на эту чудную голову густую тѣнь, словно прозрачную маску; какія-то думы, видно невеселыя, бродятъ въ головѣ и придаютъ лицу грустное, скорбное выраженіе. По временамъ оно дышетъ отвагой, рѣшительностью. Признаюсь, много я видѣлъ типично-хорошихъ интеллигентныхъ лицъ, но такихъ не видалъ. Рѣзкій контрастъ между естественными богатствами и дарами цивилизаціи — грязная рваная рубаха и порты — еще болѣе отгѣняетъ богатство натуры и, быть-можетъ, наоборотъ, богатство даровъ цивилизаціи умаляетъ богатство натуры интеллигентной. Напряженно наблюдаетъ глазъ за такимъ типомъ помимо желанія, подмѣчаетъ особенности походки, манеры, голосъ, выраженіе и отгѣнки лица.

Трудъ крѣпчиковъ считается очень тяжелымъ, непосильнымъ среднему рабочему. Улучивъ минуту отдыха, заговариваю съ артелью для перваго знакомства.

— Тяжелъ, братцы, вашъ трудъ?

— Какъ не тяжело! Не въ первой ты ужъ примѣчаешь тутъ, самъ видишь, раздается нѣсколько голосовъ.

— Чаво вы, черти, глотки-то дерете? Говори одинъ, раздается заглушающій голосъ.

— Это ребенокъ нашъ сердится, ѣсть хочетъ... Матка-то на цѣлый день ушла, а онъ окромя груди ничего не ѣстъ, ну, и кричить.

Дружнымъ хохотомъ сопровождаются эти слова. «Ребенокъ», обладающій такимъ протодіаконскимъ голосомъ, оказывается громаднымъ, трех-аршиннаго роста дѣтиной съ добродушнымъ, наивно-простымъ лицомъ безъ всякой растительности; онъ широко улыбается. Общему настроенію невольно поддался и я.

— Ты не смотри, онъ у насъ малютка, — ему всего 18 лѣтъ, въ солдаты еще не призывали. Выростетъ болѣ, сколько еще лѣтъ расти ему. Вотъ маленько подождемъ, да думаемъ поставить его мачтой на американскій пароходъ, добавляетъ хриплый теноръ. Добрая будетъ мачта, не скоро сломается.

Шутки затихаютъ.

— А ты видно не здѣшній и допрежъ не бывалъ?

— Не бывалъ.

— Мѣста ищешь? Въ прикащикахъ живешь?

— Да, въ прикащикахъ.

— Пропасть и вашего брата наѣзжаетъ къ ярмаркѣ. Тоже приходится иной разъ биться безъ мѣста. Да что, ваша работа нетрудовая, — труда въ ней нѣтъ, такъ будто занятіе одно.

— А что, у васъ тяжелые бываютъ грузы?

— Да видишь ли, меньше семи пудовъ рѣдко бываютъ, а то больше—8, 10, 12 пудовъ.

— Бываютъ, добавляетъ другой, и въ 15 пудовъ, а изрѣдка попадаютъ и въ 18. Такъ ужъ тутъ-то покрахтишь, вспомнешь не только мать, а и бабушку. Лѣстницы эти проклятыя мучаютъ насъ; ужъ иной разъ подвѣтитъ тебѣ подъ ложечку, руки и ноги дрожатъ словно въ лихорадкѣ, а спина-то такъ и разламывается.

— Что и говорить, трудёная работа!

— Эй, лежебоки, что языки-то распустили! Вставай, будетъ, снова реветъ «ребенокъ», вызывая общій хохотъ.

— Ребенокъ у насъ старательный!

— Ну, вставай, вставай! раздаются голоса, и работа снова начинается.

Жара невыносимая. Солнце буквально жжетъ. Ни вѣтерка. Тяжело дышется.

Горы товара непрерывно передвигаются на спинахъ крючниковъ то вверхъ, то внизъ, какъ вчера, какъ третьяго дня, и такъ будутъ двигаться завтра и такъ цѣлое лѣто, часть весны и осени.

Посмотримъ на носящихъ. Еле двигаются они, страшно истомленные. Рваная рубаха вся мокрая отъ пота, воротъ раз-